

Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-10-22
УДК 341.223

НЕЗАКОННАЯ ОККУПАЦИЯ И АННЕКСИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Наумова Н.В., Беляев Д.С., Федулеева Д.А.

*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Статья посвящена вопросам квалификации оккупации, аннексии и агрессии в международно-правовой науке, а также противостояния им со стороны международного сообщества и его институтов в лице структур Организации Объединенных Наций. С целью рассмотрения данных вопросов, авторами приводятся подходы к толкованию оккупации и аннексии в отечественной и зарубежной литературе. При анализе современного состояния международно-правовой системы авторы анализируют международные нормативные акты, а также формальную и реальную правосубъектность институтов международных организаций и отдельных государств. Сентенция авторов подтверждаются ссылками на конкретные аспекты текущей политической реальности и исторические события. Отдельное внимание уделяется феномену «войны трактовок», препятствующему принятию международным сообществом единого мнения по вопросам той или иной международной коллизии.

Ключевые слова: аннексия, оккупация, военная агрессия, международные отношения, ООН, международное право, суверенитет, территориальная целостность.

ILLEGAL OCCUPATION AND ANNEXATION IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LEGAL SCIENCE AND HISTORICAL EXPERIENCE: QUALIFICATION AND COUNTERACTION ISSUES

Natalya V. Naumova, Danil S. Belyaev, Diana A. Feduleeva

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article is devoted to the issues of qualification of occupation, annexation and aggression in international legal science, as well as opposition to them from the international community and its institutions represented by the United Nations structures. In order to consider these issues, the authors present approaches to the interpretation of occupation and annexation in domestic and foreign literature. In analyzing the current state of the international legal system, the authors analyze international normative acts, as well as the formal and real legal personality of institutions of international organizations and individual states. The authors' maxim is confirmed by references to specific aspects of the current political reality and historical events. Special attention is paid to the phenomenon of the "war of interpretations", which prevents the international community from adopting a common opinion on issues of an international conflict.

Keywords: Annexation, occupation, military aggression, international relations, UN, international law, sovereignty, territorial integrity.

Введение.

На протяжении всего существования государственности захватнические войны являются одним из основных способов расширения территории государства. С принятием устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 1945 г. одним из семи основополагающих принципов международного права, перечисленных в ст. 2 устава Организации, стал принцип территориаль-

ной целостности государств. Устав призвал членов ООН воздерживаться как от угрозы силой, так и от её применения против территориальной целостности и политической независимости других стран [3, с. 586-587]. Тем не менее, и завоевательные войны, и акты применения силы в международной политике не ушли в прошлое. Обоснованием для силового решения международных конфликтов сегодня могут стать борьба с междуна-

родным терроризмом (напр., операция «Железные мечи», проводимая Израилем на территории сектора Газа), принуждение к миру (напр., операция НАТО «Союзная сила» на территории Югославии в 1999 г.), восстановление территориальной целостности государства (напр., Третья карабахская война 2023 г.), защита права народа на самоопределение (напр., борьба Армии освобождения Косово за отделение края от СРЮ) и иные реальные или мнимые причины. При рассмотрении современных конфликтов с точки зрения международно-правовой науки важно обращать внимание на характерные признаки захватнической политики в виде незаконной оккупации или аннексии территорий.

Обсуждение.

Оккупацией, в общих проявлениях, следует считать любой факт взятия под контроль вооружёнными силами одного государства территорий другого. Занятие территории часто сопровождается созданием военных (оккупационных) администраций [8, с.91].

Попытки урегулировать вопросы оккупации в международных соглашениях были приняты ещё до Первой мировой войны с принятием IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны в 1907 г. В частности, на сторону конфликта, занимающую часть территории своего противника, конвенция возлагала обязанности по восстановлению и обеспечению общественного порядка и общественной жизни [14].

В настоящее время правила оккупации зафиксированы в актах международного гуманитарного права, в частности, Женевской конвенции от 12 августа 1949 года «о защите гражданского населения во время войны».

Современное международное право считает оккупацию проявлением агрессии лишь в случаях противоречия нормам международного права. Исторически также существуют примеры оккупации, не урегулированной соответствующими нормами международного права (по причине отсутствия таковых на тот момент), но не являющейся проявлением агрессивной внешней политики (напр., оккупация Германии в 1945-1949 г., оккупация Японии в 1945-1952 гг.).

При описании экспансионистской политики того или иного государства часто применяется термин «аннексия». В развитии научного исторического понимания аннексии можно проследить определённую преемственность. В конце XIX в. аннексия рассматривалась как присоединение, присвоение территорий, не сопровождающе-

еся формальным актом отречения от них предыдущего государя [5, с. 808]. Отмечается, что формальное согласие правителя присоединённых территорий и/или согласие населения на присоединение не позволяют однозначно считать присоединение аннексией.

В Большой Советской Энциклопедии (далее – БСЭ) содержится определение аннексии как «насиленного присоединения (захвата) всей или части территории другого гос-ва или народа». Также, составители БСЭ утверждают, что разновидностью аннексии может считаться создание государств с марионеточными режимами [4, с. 40].

Несомненно, создание марионеточных государств (протекторатов) было, например, важной составляющей территориальной экспансии нацистской Германии (напр., режим Йозефа Тисо в Словакии, режим Видкуна Квислинга в Норвегии и т.д.), фашистской Италии (напр., режим усташей в Хорватии) и милитаристской Японии (напр., режим Ван Цзинвэя в Китае, Маньчжоу-Го и т.д.).

Формальное обретение суверенитета над захваченными территориями происходило путём формирования систем органов публичной власти (правительств, парламентов, администраций), фактически полностью подконтрольных государству-протектору. Так, в Норвегии оккупационными немецкими силами был сформирован Административный совет, полностью лояльный Германии, в состав которого вошли местные коллаборационисты [6, с. 88-94]. Однако данные процессы нельзя отнести к прямой аннексии, т.к. оккупированные территории *de jure* оставались частью других государств (хотя и государств-сателлитов), а военное присутствие протектора (как оккупирующего государства) имело условно временный характер. Таким образом, названные выше марионеточные государства стоит рассматривать как специфические проявления оккупации.

Возможно включение марионеточных государств в состав государства-агрессора (напр., Протекторат Богемии и Моравии). Подобные случаи следует рассматривать уже как проявления аннексии.

Основываясь на мнении современных российских авторов, таких как Т. В. Богомолова, И. В. Волкова, Н. К. Волкова и др., аннексию можно определить, как захват, одностороннее, принудительное (насиленное) присоединение (присвоение) одним государством всей или части тер-

ритории другого государства против воли последнего [9, с. 11; 10, с. 142]. Присоединение стоит рассматривать не только как непосредственный контроль территории, но и как установление на данной территории государственного суверенитета. Близкие по смыслу определения аннексии дают и зарубежные авторы.

В юридическом словаре Элизабет А. Мартин (Elizabeth A. Martin) говорится об аннексии как о процессе обретения суверенитета над захваченной (завоёванной) территорией [13, с. 26-27].

Группа израильских исследователей в 2023 г. предложила свой вариант определения: «Аннексия - это присоединение государством территории другого государства». Под «присоединением» (в оригинале – «incorporation», инкорпорация) авторы подразумевают владение или фактический контроль территории, не подразумевающий приобретения на то соответствующего легального права.

Статус присоединенной территории устанавливается самим государством, как позиционирование её своей собственной частью [7, с. 10]. С точки зрения международного права, аннексия всегда незаконна и является проявлением агрессии. Следовательно, международное право никак не регламентирует правила аннексии, в отличие от оккупации [12].

Результаты.

На практике, при анализе международно-политических процессов, аннексию оказывается крайне трудно однозначно квалифицировать. Ключевой проблемой является фактор насильственности. История последних десятилетий показывает, что ни одна сторона международного конфликта не признаёт агрессивный характер своих действий. Военные действия могут быть названы контртеррористической операцией, а аннексия территорий – актом реализации права народов на самоопределение или восстановлением территориальной целостности (напр., декларируемые позиции противоборствующих сторон в Карабахском конфликте [11, с. 86]). Аннексия совершается против воли другого государства, что проявляется в действиях и официальных заявлениях власти последнего.

Но каким образом возможно определить противопоставление аннексии «воле народа»? Единственным достоверным свидетельством этого может быть демократическое всенародное голосование с гарантиями невмешательства заинтересованных сторон. Как показывает исторический опыт, проведение такого голосования является крайне нетривиальной задачей.

В международном публичном праве нет однозначного решения коллизии права народов на самоопределение и принципов территориальной целостности и нерушимости границ государства. По этой причине, любые территориальные изменения неизбежно приводят к «войне трактовок», когда противоборствующие стороны трактуют одни и те же события в контексте собственной идеологической парадигмы. По естественным для человека причинам, к участию в «войне трактовок» могут присоединяться и квалифицированные специалисты-международники.

Аннексия и оккупация в массовом сознании давно имеют негативную коннотацию и могут использоваться как взаимозаменяемые. Хотя термины обозначают схожие явления, в свете рассматриваемой нами проблемы следует выделить их значимые отличительные черты.

Ключевым отличием аннексии от оккупации является отсутствие изменения юридической принадлежности территорий в случае последней. Аннексия – это вопрос не международного признания территориальных изменений, а позиционирования государством аннексированных территорий как «своих». Аннексированные территории входят в состав государства в качестве колоний, полноценных равноправных регионов или автономий, что обычно сопровождается закреплением территориальных изменений в высших государственных нормативных актах. Оккупация всегда имеет временный характер и не ведёт к смене правового суверенитета. Также, в отличие от аннексии, оккупация не всегда является проявлением агрессии. При оккупации, в зависимости от её характера, может учитываться «воля народа», проживающего на оккупированной территории [12, с. 43-44].

Временность оккупации предполагает, что рано или поздно над оккупированными территориями будет восстановлен государственный суверенитет. Временные промежутки оккупации варьируются в зависимости от конкретных условий. Исторически восстановление суверенитета возможно несколькими путями:

1. Аннексия оккупированных территорий государством-оккупантом (напр., оккупация и последующая аннексия Кувейта Ираком в 1990 г.).
2. Восстановление суверенитета оккупированного государства (напр., восстановление суверенитета Австрийской Республики в 1955 г.).
3. Установление над оккупированными территориями суверенитета третьего государства (напр., создание ГДР и ФРГ на месте оккупационных зон в Германии 1945-1949 гг.).

Как уже было отмечено, оккупация, в отличие от аннексии, не является исключительно проявлением агрессии и может считаться условно «легальной». Оккупация также может быть направлена против государства-агрессора и в таком случае фактически будет являться частью политики «принуждения к миру», когда нет иных способов противостоять агрессору. К таковой относится и т.н. «послевоенная оккупация» агрессора [1, с. 73].

«Легальной» оккупацией сопровождаются миротворческие силовые миссии и операции Организации Объединённых Наций. Операции ООН могут включать создание временных администраций (протекторатов) и размещение вооружённого миротворческого контингента на территории государства или на спорной территории, что в целом соответствует общепринятому пониманию оккупации. Совет Безопасности ООН косвенно может санкционировать проведение силовых операций, не относящихся к деятельности Организации непосредственно (напр., военная интервенция в Ливии в 2011 г., санкционированная Резолюцией СБ ООН № 1973), хотя их правомерность часто ставится под сомнение другими членами Организации. Оккупация, не признанная Советом Безопасности ООН, может быть квалифицирована как вооружённая агрессия и осуждена на международном уровне.

Следует ли из выше сказанного, что осуждение агрессивных действий государства, равно как и признание незаконной оккупацией/аннексией тех или иных территориальных изменений, могут быть осуществлены лишь на уровне всего международного сообщества? В целом это утверждение соответствует пониманию роли международного сообщества в современной международно-правовой науке. Инструментом для определения агрессивных действий государства являются институты Организации Объединённых Наций, в первую очередь, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности (СБ) и Международный Суд. Устав ООН (ст. 39-51) наделяет Совбез задачей определять акт агрессии (угрозу миру) и предпринимать соответствующие меры для поддержания мира и безопасности [3].

При квалификации агрессии СБ ООН может сослаться на определение, предоставленное Резолюцией Генеральной Ассамблеи. Согласно определению, агрессия может включать открытое военное вторжение, бомбардировку, блокаду коммуникаций, использование наёмников, банд, иных нелегальных вооружённых формирований

[2]. В резолюции также утверждается, что политические, экономические и иные соображения не могут стать оправданием агрессии, а её результаты не могут быть признаны законными. Вердикт по каждому конкретному акту агрессии выносится лишь Советом Безопасности.

Тем не менее, фактические возможности ООН по квалификации агрессии и противостоянию ей ограничены самой структурой Организации. Генеральная Ассамблея, решения которой выносятся большинством голосов (при расчёте 1 голос = 1 член Организации), является совещательным органом и выносит решения исключительно рекомендательного характера, не являющиеся обязательными для исполнения ни Советом Безопасности, ни отдельными странами. Резолюции Совета Безопасности, обязательные для исполнения, могут быть приняты лишь при согласии всех пяти постоянных членов, внешнеполитические интересы которых могут препятствовать формированию единого мнения.

Совет Безопасности не может осудить агрессивные действия одного из своих постоянных членов (по причине наличия у него права вето на любую возможную резолюцию). Более того, само по себе осуждение оккупации или аннексии территорий Совбезом далеко не всегда может являться фактором сдерживания агрессии. Один из ярких примеров – оккупация Израилем Голанских высот по итогам Шестидневной войны. Ни Резолюция СБ ООН № 242 (1967), призывавшая Израиль вывести вооружённые силы и прекратить оккупацию, ни Резолюция № 497 (1981), осудившая аннексию оккупированных территорий, не побудили Израиль отказаться от Голанских высот. Таким образом, агрессором всегда будет «рядовое» государство, и никогда не будет «государство-гегемон».

Обязанность по разрешению спорных правовых ситуаций, касающихся также вопросов незаконной оккупации и военной агрессии, лежит на Международном Суде ООН. Суд может выносить как консультативные заключения, так и решения, обязательные к исполнению. Но Международный Суд не имеет инструментов принуждения государств к исполнению его требований. В случае отказа от исполнения решение направляется в Совбез, где может быть заблокировано правом-вето. Мнение Международного Суда, как достаточно независимого органа, стоит рассматривать при определении аннексии и оккупации в международно-правовой науке. Но без решения Совета Безопасности мнение Суда не имеет реальной

юридической силы и может фактически игнорироваться членами Организации.

Заключение.

Подводя итоги, необходимо обозначить следующее: на данный момент в системе международного права существуют препятствия, не позволяющие однозначно квалифицировать оккупацию и аннексию. Ключевой проблемой остаётся коллизия права народов на самоопределение и принципов территориальной целостности и нерушимости границ. Несомненно, применение права самоопределения в виде сецессии (отделения) имеет приоритет в том случае, если государство нарушает права и свободы самоопределяющегося народа. Но в международном праве нет универсальных критериев такого «угнетения» и каждый подобный случай рассматривается отдельно.

Возможности международного сообщества по противодействию оккупации и аннексии ограничены в силу структуры ООН. Мнение большинства стран выражается лишь в рекомендательных решениях Генеральной Ассамблеи. Общеобязательные решения Совета Безопасности не могут быть приняты в ущерб кому-либо из постоянных членов. Международный Суд ООН не имеет каких-либо инструментов принуждения государств к исполнению его решений, за исключением инструментов Совета Безопасности.

Мнения отдельных специалистов-международников могут быть подвержены другому

фактору – предвзятости в условиях «войны трактовок». Сколь-либо достоверное определение оккупации и аннексии возможно лишь при сопоставлении всех противостоящих позиций. Текущие процессы по формированию многополярного мира неизбежно ведут к возникновению разных трактовок, но также создают основу для международной научной дискуссии, в которой позиция «гегемона» не будет единственно верной.

Президент Российской Федерации В.В. Путин не раз в своих выступлениях-докладах акцентировал внимание на формировании концептуальной модели многополярного мироустройства.

Так, выступая с обращением на Московской конференции по международной безопасности в рамках форума «Армия-2022» (16 августа 2022 г.) Владимир Владимирович отметил, что *«снизить напряжённость в мире, повысить уровень доверия и обеспечить устойчивое развитие можно только укреплением системы современного многополярного мира. Многополярный мир, построенный на международном праве, на более справедливых отношениях, открывает новые возможности для борьбы с общими угрозами. Эпоха однополярного миропорядка уходит в прошлое. Геополитические изменения исторического масштаба идут совсем в другом направлении»* [15].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Батырь В.А. *Международное гуманитарное право: Учебник для вузов (2-е издание, переработанное и дополненное)*. — Москва : "Юстицинформ", 2011. — 688 с.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года № A/RES/3314(XXIX) «Определение агрессии» // Организация Объединенных Наций – офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/aggression> (дата обращения: 07.08.2024).
3. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945г.) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. Том 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля - 26 июня 1945 г.) — Москва, 1980. — С. 585-618.
4. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Том 2. Ангола – Барзас. / гл. ред. А.М. Прохоров — Москва : «Советская Энциклопедия», 1970. — 632 с.
5. Энциклопедический словарь : В 86 т. Том IА (2). Алтай — Арагвай / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург : Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1890. — 485 с.
6. Носков А.М. *Норвегия во второй мировой войне 1940-1945* — Москва : Издательство «Наука», 1973. — 276 с.

7. Levine-Schnur, Ronit and Megiddo, Tamar and Berda, Yael, *A Theory of Annexation* (February 5, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4330338>

8. Толочко О.Н. Международно-правовой режим военной оккупации // *Вестник ГрДУ імя Я. Купалы. Серія 4 Правазнаўства*. – 2009. – № 2 (84). – С. 91-95.

9. *Политология: Краткий словарь основных терминов и понятий : словарь-справочник* / Т. В. Богомолова, И. В. Волкова, Н. К. Волкова [и др.] ; под. ред. проф. В. С. Пусько. – Москва : Изд-во МГТУ им. Баумана, 2010. — 112 с. – EDN VMAHQX.

10. *Международное право: Учебник для бакалавров* / Отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – Москва : Статут, 2017. — 496 с.

11. Галоян Н.Г. Нагорно-карабахский конфликт: исторические предпосылки, хронология и пути решения // *Международные отношения*. — 2018. — №2. — С. 83-89.

12. Васильева Н.И. Аннексия и сецессия в контексте международного права и мировой политики: теория и исторический опыт // *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*. — 2018. — №2. — С. 41-54.

13. *Dictionary of Law. Fifth Edition, Reissued with new covers* / Edited by Elizabeth A. Martin. — Oxford University Press, 2003. — 551 p.

14. *Женевская (1906 г.) и Гаагская (1907 г.) конвенции*. – Петроград: тип. Мор. м-ва, 1914. - 16 с.

15. 11 главных тезисов Путина о международной политике: Мир становится многополярным. - URL: <https://www.kp.ru/daily/27432/4633205/> (дата обращения: 16.09.2024).

References:

1. Batyr V.A. *International Humanitarian law: Textbook for universities (2nd edition, revised and supplemented)*. — Moscow : Justicinform, 2011. – 688 p.

2. *Resolution of the UN General Assembly of December 14, 1974 No. A/RES/3314(XXIX) "Definition of aggression"* // United Nations – official. website. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/aggression> (date of application: 08/07/2024).

3. *The Charter of the United Nations (Adopted in San Francisco on June 26, 1945) // The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War of 1941-1945. Volume 5. The United Nations Conference in San Francisco (April 25 - June 26, 1945) — Moscow, 1980. — pp. 585-618.*

4. *The Great Soviet Encyclopedia (in 30 volumes). Volume 2. Angola – Barzas.* / Editor—in—chief A.M. Prokhorov - Moscow : "Soviet Encyclopedia", 1970. - 632 p.

5. *Encyclopedic dictionary : In 86 volumes. Volume IA (2). Altai — Aravgai* / Ed. F. A. Brock-gause, I. A. Efron. St. Petersburg : Semenovskaya Typolithography (I.A. Efron), 1890. — 485 p.

6. Noskov A.M. *Norway in the Second World War 1940-1945* — Moscow : Nauka Publishing House, 1973. — 276 p.

7. Levine-Schnur, Ronit and Megiddo, Tamar and Berda, Yael, *A Theory of Annexation* (February 5, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4330338>

8. Tolochko O.N. *International legal regime of military occupation* // *Vesnik GrDU imya Ya. Kupala. Gray 4 is the right name*. – 2009. – № 2 (84). – Pp. 91-95.

9. *Political science: A short dictionary of basic terms and concepts : dictionary-reference* / T. V. Bogomolova, I. V. Volkova, N. K. Volkova [et al.]; edited by Prof. V. S. Pusko. – Moscow : Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2010. — 112 p. – EDN VMAHQX.

10. *International law: Textbook for bachelors* / Ed. by R.M. Valeev, G.I. Kurdyukov. – Moscow : Statute, 2017. — 496 p.

11. Galoyan N.G. *The Nagorno-Karabakh conflict: historical background, chronology and solutions* // *International relations*. - 2018. — No. 2. — pp. 83-89.

12. Vasilyeva N.I. *Annexation and secession in the context of international law and world politics: theory and historical experience* // *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*. - 2018. — No.2. — pp. 41-54.

13. *Dictionary of Law. Fifth Edition, Reissued with new covers* / Edited by Elizabeth A. Martin. — Oxford University Press, 2003. — 551 p.

14. *The Geneva (1906) and The Hague (1907) Conventions*. – Petrograd: type. Mor. m-va, 1914. - 16 p.

15. *Putin's 11 main theses on international politics: The world is becoming multipolar.* - URL: <https://www.kp.ru/daily/27432/4633205/> / (date of access: 09/16/2024).

Информация об авторах:

Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации natalya.naumova.69@list.ru

Беляев Данил Сергеевич, студент факультета управления Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: dbelyaev33@gmail.com

Федулеева Диана Александровна, студентка юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: dianafeduleeva75@gmail.com

Natalya V. Naumova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law of the Vladimir Branch of the RANEPA.

Danil S. Belyaev, student of the Faculty of Management of the Vladimir branch of RANEPA.

Diana A. Feduleeva, student of the Law Faculty of the Vladimir branch of the RANEPA.